

Линь Сяоцзю, ведя за собой двух величественных и послушных собак, вышел из заднего двора. По дороге к нему то и дело подходили соседи, чтобы поздороваться.

“Сяоцзю, ты сейчас выходишь?”

“Да, собираюсь заглянуть на рынок”.

“О, сейчас еще не поздно, сходить на рынок — хорошая идея. Кстати, у вас в магазине не нужен человек? У меня есть родственница, очень старательная, совсем не из тех, кто будет работать во вред. Может, подумаешь о том, чтобы взять ее?”

“Нет, тетушка, у нас в магазине сейчас достаточно работников”.

“Понятно”.

“Но если в следующий раз нам потребуется кто-то, я обязательно спрошу у вас”.

“Хорошо, только не забудь! Тетушка будет ждать!”

Линь Сяоцзю, улыбаясь, отвечал на бесконечные вопросы соседок, а его шаги становились все быстрее.

В то же время тетушка Ван Эр, находившаяся неподалеку, сидела с иголкой и нитками в руках. Услышав происходящее снаружи, она тяжело вздохнула: “Ну почему мне так не повезло?”

Когда Линь Сяоцзю наконец вышел за пределы привычных улиц, где уже не встречалось знакомых, он с облегчением выдохнул. Увидев, как Сылан и Канцзянь обернулись, словно спрашивая, почему он остановился, он успокоил их: “Ничего, просто я не привык к их такой навязчивой заботе”.

Собаки, кажется, не совсем поняли, что он сказал, но в ответ издали громкий лай.

Линь Сяоцзю рассмеялся, и его шаги стали легче.

#

Когда он с Сыланом и Канцзянем добрался до места, где продавали скот, он быстро нашел уголок, где обычно сидел дядя Цянь. Как и ожидалось, тот сидел перед загонем с козами и торговался с очередным покупателем.

Козы в загоне блеяли, выглядя бодрыми и здоровыми.

Как только Линь Сяоцзю подошел, дядя Цянь сразу заметил его.

Отправив прочь покупателя, который явно не собирался ничего брать, дядя Цянь повернулся к нему и с улыбкой спросил: “Молодой хозяин, что привело вас сюда сегодня?”

Линь Сяоцзю отпустил Сылана и Канцзяна, которые заметно оживились при виде внука дяди Цяня. Собаки начали облизывать и приветствовать мальчика, выражая искреннюю радость.

Линь Сяоцзю некоторое время наблюдал за ними, затем повернулся к дяде Цяню и озвучил цель своего визита: “Я пришел, чтобы обсудить с вами поставки козьего молока”.

Услышав это, дядя Цянь посерьезнел, кивнул и сказал: “Молодой хозяин, говорите”.

“Просто в последнее время спрос на козье молоко в магазине вырос”, — начал Линь Сяоцзю. — “А я еще собираюсь открыть отдельное место для продажи молочных напитков. Тогда молока потребуется еще больше. Поэтому я подумал, дядя Цянь, может, вы знаете других людей, которые держат коз? Вы могли бы скупать у них молоко и поставлять мне”.

Линь Сяоцзю заметил, что дядя Цянь задумался, и продолжил: “К тому же, я готов платить на одну монету больше за каждый цзинь (около 500 г). Вы купите молоко у других, а я уже куплю его у вас. Но, конечно, это доставит вам дополнительные хлопоты”.

Дядя Цянь, услышав, как Линь Сяоцзю заботится о нем, замахал руками и поспешил ответить: “Да что вы, это не проблема! Я сам недавно думал об этом, но не решался заговорить. Раз уж молодой хозяин предложил, то я обязательно все улажу. Но по поводу повышения цены — это лишнее. Сколько молоко стоит, столько пусть и стоит. Нет смысла завышать цену”.

Линь Сяоцзю хотел настаивать, но дядя Цянь был непреклонен, и ему не удалось убедить его.

Когда они завершили разговор, Линь Сяоцзю собирался уходить, но обернулся и заметил, как, внук дяди Цяня, выуживает из деревянного ведра куски мяса и бросает их Сылану и Канцзяну.

Собаки по очереди подхватывали куски мяса и с удовольствием ели.

Линь Сяоцзю замер на мгновение, затем подошел ближе. Присев на корточки перед внуком, он спросил: “Чем ты их кормишь?”

“Бараниной”, — ответил мальчик с красными от смущения щеками. Он улыбнулся, обнажив несколько шербатых зубов, и выглядел при этом чрезвычайно мило.

Пока мальчик разговаривал с Линь Сяоцзю, он на мгновение перестал кормить собак. Сылан и Канцзянь нетерпеливо лизали его руки, словно подгоняя.

Линь Сяоцзю посмотрел на продолжающееся кормление, потом на оставшееся в ведре мясо. Затем он повернулся к дяде Цяню, который наблюдал за сценой с доброй улыбкой и даже восхищался, как выросли собаки. Линь Сяоцзю спросил: “Дядя Цянь, вы уже начали забивать баранов?”

“Да”, — кивнул дядя Цянь. — “Лето заканчивается, скоро осень, а там и зима. Ягнята выросли, их пора забивать. Если держать их дольше, мясо станет жестким, и оно будет невкусным”.

Линь Сяоцзю посмотрел на свежую баранину, и в его голове тут же возникли образы горячего бараньего бульона, шашлыков, лапши и супов с бараниной. Он невольно сглотнул слюну.

Похолодание — идеальное время для горячего котла. Если будет баранина, то лучше не придумашь.

Сглотнув, он обернулся к дяде Цяню и спросил: “У вас еще есть баранина? Я хочу купить немного для супа. И то, что ели Сылан и Канцзянь, тоже запишите на мой счет”.

Дядя Цянь быстро ответил: “Баранина еще есть, только что забитая. Сейчас я вам соберу. Вы столько помогли мне с молоком, что за мясо с вас ничего не возьму”.

Линь Сяоцзю посмотрел на собак, с аппетитом поедающих мясо, но все же настоял на том, чтобы заплатить.

Забрав мясо, он направился на рынок.

Перед уходом он вдруг обернулся и спросил дядю Цяня: “Кстати, дядя Цянь, я собираюсь продавать бараний суп. Могу ли я закупать баранину у вас?”

Дядя Цянь был немного удивлен, но быстро согласился: “Конечно, можно. Приходите, скажите заранее, сколько нужно, я отберу самое лучшее мясо. Ваш суп получится наваристым”.

Линь Сяоцзю обрадовался, попрощался с дядей Цяням и увел Сылана и Канцзяня, которые с трудом расставались с мальчиком.

Перед уходом Сылан бросил взгляд на пустое ведро, стоявшее рядом с мальчиком, и облизал пасть.

□□#

Линь Сяоцзю сходил на рынок, осмотрел сезонные овощи и фрукты, на своем привычном прилавке заказал нужные на завтра виды и количество овощей, а затем отправился домой вместе с Сыланом и Канцзяном.

Вернувшись домой, он сначала отнес вещи, которые собаки несли на спине, на кухню, затем замочил баранину, собираясь сначала принять ванну, а уже потом заняться приготовлением мяса.

Когда Линь Сяоцзю вышел из ванной, он увидел, что Сылан и Канцзянь лают под деревом, время от времени подпрыгивая, а на ветке их дразнил, виляя хвостом, Ташюэ, выглядя при этом крайне довольным.

Линь Сяоцзю подумал, что из всей троицы самым сообразительным, пожалуй, был именно Ташюэ.

Посмотрев на них немного, он тихо улыбнулся и отправился на кухню. Там он достал из воды замоченное мясо, положил его в кастрюлю, залил холодной водой и поставил на огонь. Когда появилась пена, он вынул мясо, промыл его бульоном и переложил в другую кастрюлю. Залив мясо новой порцией холодной воды, он поставил его на сильный огонь для дальнейшей варки.

Пока баранина варилась на сильном огне, Линь Сяоцзю налил немного бульона, оставшегося от первого варева, разбавил его кипяченой холодной водой и отнес миски Сылана и Канцзяня.

Собаки не особо любили пить воду, но такой способ заставлял их пить больше.

Сылан и Канцзянь, увидев бульон, тут же забыли о провокациях Ташюэ, весело виляя хвостами, подбежали к своим мискам и принялись жадно пить.

Ташюэ, посмотрев на них, затем на свою миску, немного помедлил, но все же спрыгнул с дерева и присоединился к ним.

Когда Шэнь Лянь вошел во двор, он сразу увидел Линь Сяоцзю, сидящего на низкой скамейке под навесом и с мягкой улыбкой наблюдающего за собаками.

Линь Сяоцзю, заметив его, поднял взгляд и широко улыбнулся в его сторону.

Однако вскоре он заметил, что на одежде Шэнь Ляня появились пятна грязи, и тут же нахмурился, обеспокоенно спросив: "Что случилось с твоей одеждой?"

Шэнь Лянь, опустив взгляд на свою одежду, испачканную во время разборки с Куй Линем, покачал головой и успокаивающе ответил: "Ничего страшного, просто по дороге домой случайно испачкался".

Линь Сяоцзю, услышав его слова, не стал дальше сомневаться. Он просто сказал: "Тогда сначала сходи в ванную и переоденься в чистую одежду. Сегодня вечером у нас будет баранина".

Шэнь Лянь коротко ответил и направился к ванной: “Ты был у дяди Цяня?”

Линь Сяоцзю, размышлявший о том, что одежду Шэня, вероятно, придется стирать с мыльным корнем, не задумался, откуда тот мог это знать, и ответил: “Да, я ходил. В магазине стало не хватать козьего молока, поэтому я пошел договориться с дядей Цяням, чтобы он начал поставлять больше. А еще у них как раз забили барана. Погода сейчас прохладная, вот я и решил приготовить баранину — согреться”.

Шэнь Лянь больше ничего не спросил. Он вернулся к себе в комнату, взял чистую одежду и пошел в ванную.

Ранее они договорились: так как на улице жарко, после возвращения домой лучше сразу принять ванну. Поэтому тот, кто приходит первым, готовит горячую воду, чтобы второй тоже мог сразу помыться.

Когда Шэнь Лянь ушел в ванную, Линь Сяоцзю заглянул на кухню, уменьшил огонь под кастрюлей и поставил вариться рис. Затем он начал мыть овощи для ужина.

Закончив с овощами, он заметил, что Шэнь Лянь все еще не вышел из ванной. Немного поколебавшись, он подошел к двери и спросил: “Шэнь Лянь, почему так долго?”

Ответа не последовало.

У Линь Сяоцзю сердце екнуло, и он поспешно открыл дверь. Там он увидел Шэнь Ляня, который как раз одевался. Промелькнувшая белая кожа заставила Линь Сяоцзю мгновенно зажмуриться.

Скоро до его носа донесся запах мыльного корня, а затем раздался низкий, слегка насмешливый голос: “Почему так крепко зажмурился? Думаешь, увидел что-то запретное? Но ведь ты вчера сам это трогал”.

Линь Сяоцзю, смущенный, пробормотал: “Вчера ночью было так темно, что я ничего не видел”.

Шэнь Лянь, глядя на смущенное лицо Линь Сяоцзю с закрытыми глазами и покрасневшими щеками, наклонился и нежно поцеловал его в губы.

Линь Сяоцзю почувствовал обволакивающий запах мыльного корня и тепло, исходящее от тела Шэнь Ляня сквозь тонкую одежду. В этот момент ему вдруг пришло в голову, что Шэнь Лянь, видимо, обожает такие моменты близости. Иначе почему он никогда не устает?

Хотя поцелуй продолжался немного дольше, чем ожидалось, Линь Сяоцзю даже находил это приятным. Однако вскоре руки Шэнь Ляня переместились туда, куда описывать было бы неприлично.

Когда Линь Сяоцзю и Шэнь Лянь наконец вышли из ванной, лицо Линь Сяоцзю было таким горячим, что на нем можно было бы пожарить яйцо. Он бросил взгляд на Шэнь Ляня, который, полностью одетый, выглядел совершенно невозмутимым, и тихо проворчал: “Твое здоровье не слишком хорошее, а ты так себя изнуряешь”.

Шэнь Лянь, наблюдая за нежной кожей Линь Сяоцзю, слегка покрасневшей от смущения, с трудом сдерживал желание снова его поцеловать. Но он решил не поддаваться этому порыву: иначе Линь Сяоцзю сегодня точно не сможет поужинать.

Услышав его упрек, Шэнь Лянь только мягко улыбнулся: “Никакого излишества. Это не то слово”.

Линь Сяоцзю впервые подумал, что Шэнь Лянь просто бесстыдник. Хотя ему самому было приятно, но это все же слишком. Он сердито взглянул на Шэнь Ляня и быстро ушел на кухню.

Шэнь Лянь, глядя на оставшиеся на шее Линь Сяоцзю следы, про себя решил, что в следующий раз нужно будет быть осторожнее. Ведь если кто-то увидит, Линь Сяоцзю будет неловко.

Тем вечером они вдвоем с удовольствием поели горячего из баранины. Линь Сяоцзю поделился идеей продавать баранину в горшочке, и Шэнь Лянь полностью поддержал это предложение, похвалив его кулинарные способности.

Линь Сяоцзю был очень доволен.

Шэнь Лянь, глядя на его счастливую улыбку, подумал, что его нынешний маленький муж просто удивительно легкораним и наивен.

□□#

На следующий день, когда Линь Сяоцзю проснулся, Шэнь Лянь уже ушел из дома.

Увидев еду, которую оставил для него Шэнь Лянь, Линь Сяоцзю немного задумался: в последнее время Шэнь Лянь снова стал очень занят. Однако он не стал долго об этом размышлять.

После завтрака, приняв овощи от фермеров и козье молоко от дяди Цяня, Линь Сяоцзю встретил помощников, которые пришли помочь мыть овощи.

Но сегодня к ним присоединились еще двое: Цзинь Чжу и его младшая сестра Цзинь Тао.

Когда Линь Сяоцзю увидел маленькое лицо Цзинь Тао, он засомневался, исполнилось ли ей шестнадцать лет.

Цзинь Чжу, который привел свою сестру, и так волновался. А сейчас, видя, как Линь Сяоцзю пристально смотрит на сестру, он забеспокоился еще больше. Наконец он осторожно спросил: “Маленький хозяин, что-то не так?”

Линь Сяоцзю не стал ходить вокруг да около и прямо спросил: “Ей действительно уже шестнадцать?”

Услышав это, Цзинь Чжу сразу понял, что Линь Сяоцзю беспокоится о возрасте его сестры. Он поспешно кивнул: “Да-да, ей уже шестнадцать. Просто раньше у нас в семье были трудности, сестра плохо питалась, поэтому выглядит такой маленькой и худой”.

Пока Цзинь Чжу объяснялся, Цзинь Тао, боясь, что Линь Сяоцзю не примет ее, спешно закивала, подтверждая слова брата.

Линь Сяоцзю, видя их испуганные лица, не стал их дальше смущать. Он лишь пригласил их пройти, чтобы посмотреть, как Цзинь Тао справляется с мытьем и нарезкой овощей.

Пока они шли к месту работы, Линь Сяоцзю заметил, что у Цзинь Тао есть проблемы с ногой. На первый взгляд ничего не было заметно, но, присмотревшись, можно было различить, что что-то не так.

Линь Сяоцзю лишь на мгновение задержал взгляд, но быстро сделал вид, что ничего не заметил, и продолжил идти.

Цзинь Чжу и Цзинь Тао, которые шли рядом, с облегчением выдохнули, увидев, что Линь Сяоцзю никак не прокомментировал ее ногу. Еще до прихода они беспокоились, что Линь Сяоцзю может отказать Цзинь Тао из-за ее проблемы.

Однако теперь стало очевидно, что их маленький хозяин действительно добрый и чуткий человек.

Цзинь Тао в глубине души твердо решила: если она получит эту работу, то будет трудиться вдвойне усерднее!

Линь Сяоцзю привел Цзинь Тао на место, где моют и нарезают овощи, и, как раньше испытывал Сунь Янь, попросил ее пройти весь процесс. Он быстро заметил, что, несмотря на проблемы с ногами, Цзинь Тао моет и нарезает овощи очень аккуратно и быстро, с определенной эстетикой, которую даже приятно наблюдать.

“Хорошо, ты можешь остаться. Твоя основная работа будет заключаться в мытье и нарезке овощей. Помни, что овощи в нашей лавке всегда должны быть чистыми. Гнилые или испорченные сразу же выбрасывай. Твоя зарплата составит 300 вэней в месяц. Позже, в зависимости от ситуации, ее можно будет повысить. Расчеты ведутся в конце месяца”, —

сказал Линь Сяоцзю.

Увидев, как сильно обрадовалась Цзинь Тао после его слов, он добавил: “Есть что-то, что осталось непонятным?”

Цзинь Тао энергично покачала головой: “Нет, нет, маленький хозяин, я все поняла!”

“Хорошо, тогда ты начнешь с сегодняшнего дня. Это не проблема?” — уточнил Линь Сяоцзю.

“Никаких проблем!” — радостно ответила девушка и сразу же заняла свое место, быстро приступив к работе.

Линь Сяоцзю, наблюдая за ней, подумал, что у нее, вероятно, живой и веселый характер. Вероятно, в семье ее сильно баловали.

#

Пока Линь Сяоцзю наблюдал за работой остальных и готовил приправы на кухне, Шэнь Лянь уже прибыл в уездную управу, чтобы собрать своих помощников и начать расследование дела о “Ханьшисань”.

Шэнь Лянь стоял на своем месте и, глядя на собравшихся, вдруг спросил: “А где Ван Ху?”

Все переглянулись и покачали головами — никто, похоже, не знал.

В этот момент один из чиновников медленно поднял руку и, под удивленные взгляды коллег, ответил: “У начальника Вана дома случилось что-то. Он сказал, что берет несколько дней отпуска”.

Шэнь Лянь, разумеется, знал, что произошло в семье Ван Ху. Он и сам в тот день видел Сунь Янь в магазине. Однако, так как они были не знакомы, а теперь она и вовсе ушла из лавки Линь Сяоцзю, он не видел причин вести себя с ней как-то особенно. Поэтому в тот момент он даже не стал здороваться.

Выслушав ответ чиновника, Шэнь Лянь кивнул и сказал: “Понял. Если увидите Ван Ху, передайте, чтобы он поскорее уладил дела дома и вернулся к работе. В ближайшие дни нам предстоит много дел”.

“Есть!”

После этих распоряжений Шэнь Лянь начал обсуждать с подчиненными планы по

расследованию дела о черной мази.

#

Тем временем Ван Ху, о котором все вспоминали, сидел с матерью во дворе своего дома и смотрел на Сунь Янь, которая стояла перед ним, казавшись совершенно другим человеком. С красными от слез глазами он спросил: “Сунь Янь, ты действительно хочешь расторгнуть брак?”

<http://bllate.org/book/15132/1337428>